

Понятие свободы в контексте идеи автономной рациональности

© К.А. Павлов-Пинус

Институт философии РАН, Москва, 119842, Россия

Введено понятие свободы в контексте понятия автономной рациональности, определяемое, с одной стороны, через ее противопоставление чистой случайности, слепой спонтанности и предопределенности, а с другой — как частный случай автономной рациональности, характеризуемый тем, что сама автономия здесь является рациональным продуктом рассматриваемого процесса и/или системы. Развернутый анализ указанных понятий позволяет утверждать, что свобода действия/решения имеет место всегда, когда авторство рационального действия/решения принадлежит самой системе/процессу, а актуализация рассматриваемого действия была опосредована моделью автономно рационального поведения, сформированной системой/процессом на основе собственной истории рациональных актов. Без такого рода оптики свобода в полном смысле этого слова невозможна. У сознательных существ соответствующую оптическую роль играет понятие свободы, формируемое (из поколения в поколение) индивидами в ходе исторического (само)развития и по мере их причастности к опыту прошлых поколений.

Ключевые слова: автономная рациональность, свобода, виртуальная онтология, произвол, предопределенность, модели автономно-рационального поведения

По мнению автора настоящей статьи, в философской литературе нет ясной формулировки и обоснования двух тезисов:

1) существенным моментом понятия «рациональность» является понятие «автономия». Или, иначе говоря, неавтономной рациональности не существует;

2) понятие автономной рациональности исчерпывает собой все то, что нужно знать о человеческой свободе (и не только человеческой).

Эта мысль связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, классическое понятие «рациональность» во многих контекстах употребляется как само собой разумеющееся, давно постигнутое понятие, якобы не требующее дальнейшего анализа, т. е. используется слишком легковесно и безответственно, что непозволительно в рамках философских рефлексий. Во-вторых, слово «свобода, наоборот, нередко звучит слишком неопределенно, метафорически. Все это представляется неверным и требующим дополнительных толкований. Ибо когда два понятия, ключевых для современной (европейской по меньшей мере) мыслительной культуры, остаются недостаточно продуманными

ми, каждое по-своему и по своим особым причинам, то возникает естественное и весьма отчетливое желание устранить (если получится) ощущаемую неопределенность или хотя бы как можно более точно локализовать места смысловой пробуксовки и логической неясности, с ними связанной.

В результате был запланирован ряд статей, поясняющих базовые концепты, в терминах которых только и можно определять понятия «свобода» и «рациональность», а также — и это главное — глубиннейшую взаимосвязь между ними (в отечественной литературе этот вопрос затрагивался в работе [1], а также в весьма спорной форме в исследовании [2]). Понятие «(автономная) рациональность» в первом приближении было рассмотрено в статье [3], которую можно считать введением в обозначенную проблематику. В статье [3] были исследованы основные вопросы и почти все главные понятия указанной проблематики, требующие первоочередного продумывания. Показано, что возможность (логически непротиворечиво) приписывать рациональность действиям/процессам/системам имеется только тогда, когда процедуры целеполагания являются *внутренними моментами определенности* этих процессов и/или действий. В противном случае можно говорить лишь об *условной рациональности* соответствующих систем и/или процессов, т. е. о рациональности, которая (метафорически) приписывается этим процессам *извне*, из более широкого контекста (о проблеме атрибутирования авторства компьютерным программам см., например, работы [4, 5]). Приведем простые примеры такого рода «метафорического вчитывания»: в повседневной жизни о героях сказок и мультипликационных фильмов говорят как об агентах осмысленных сообщений, рациональных действий: «Крокодил Гена резонно заметил...», «Колобок рационально поступил, улизнув от Волка, но вот с Лисой...», «Шрэк предусмотрительно захватил с собой оружие, поскольку догадался...» и т. п. Однако вопрос о том, действительно ли Шрэк и остальные персонажи являются агентами рационального действия, не стоит, ибо ответ на него — очевидно отрицательный. Потому что *авторство* рациональных (а по сути, лишь *условно* рациональных) действий и поступков принадлежит не героям мультфильмов, а *внешним* по отношению к ним инстанциям (сценаристам, режиссерам, актерам и т. п.). Все прекрасно понимают это обстоятельство, а также то, что актеры, режиссеры и художники *действительно* являются рационально действующими существами. Возникает вопрос: в чем заключается это различие (между условно и подлинно рациональными феноменами) и как его специальным образом можно было бы тематизировать?

В статье [3] было показано, что авторство рационального действия является внутренним атрибутом самого же рассматриваемого

процесса/субъекта/действия, *только если* соблюден ряд определенных условий, за рамками которых ни о какой рациональности — в собственном смысле этого слова — речи быть не может (причем, ряд этих условий оказался довольно объемным и сложно структурированным). В большинстве случаев, приписывая рациональность закономерным — и *только лишь* закономерным — процессам и действиям, люди совершали бы ту же самую категориальную ошибку, что и в случае приписывания рациональности Крокодилу Гене. Поэтому часы, принтеры, мясорубки, детерминистические алгоритмы и т. п. сами по себе не являются рациональными устройствами/процессами — это лишь законосообразные механизмы, внерациональные по своей *внутренней* сути. Законосообразность подобных механизмов/процессов не следует путать с *рациональностью их использования* теми, кто способен действовать рационально в собственном смысле этого слова. Но тогда как раз и возникает вопрос: что же делает (предположительно) рациональные процессы *по-настоящему* рациональными?

Перечислим некоторые из важнейших условий *осмысленности*, а также условий *возможности* рациональности как некоего содержательного, внутренне согласованного понятия, которые были эксплицированы в работе [3]. В первую очередь к условиям осмысленности понятия «рациональность» принадлежит понятие *цели*, надлежащим образом определенное. Анализ этого понятия показывает, что оно логически несовместимо с детерминистическими онтологиями, т. е. с «мирами» с однозначно предопределенным будущим. В частности, понятие рациональности оказывается логически несовместимым с теми интерпретациями детерминизма, которые предполагают безальтернативность будущего. Выход из этого положения связывается с идеей *виртуальной онтологии*, которая сочетает в себе как детерминистические, так и вероятностные аспекты своей структурированности (конструктивному раскрытию этого понятия будет посвящена отдельная работа). Кроме того, к условиям осмысленности относится различие между *внешним* и *внутренним целеполаганием*, на основе которого только и можно отличать условно рациональные процессы/системы от процессов/систем, являющихся рациональными в полном смысле этого слова. Внутренняя структура подлинно рациональных процессов должна нести в себе возможность онтологической интерпретации таких понятий, как «интенциональность» и «топология значимостей», где под значимостью можно понимать прежде всего то, *на основании чего* происходит выбор системой/процессом одного из альтернативных сценариев. Все это должно быть *внутренними* свойствами самой системы и/или процесса. Наличие этих внутрисистемных особенностей позволяет понять, как именно должно осуществляться теоретическое моделирование (*частично*) автономных

рациональных процессов. Слово «частично» указывает лишь на то, что речь идет только о тех конкретных аспектах соответствующих процессов, которые осмысленно идентифицировать как рациональные. Таково краткое содержание статьи [3].

Теперь имеет смысл прервать рассуждения о природе (автономной) рациональности, поскольку мы находимся в той точке, когда, с одной стороны, можно продолжать двигаться по пути дальнейшего (линейного) разворачивания центрального концепта, а с другой — сделать своего рода скачок и пойти в ином направлении, обратив внимание на понятие *свободы*, которое было рассмотрено в статье [3], но пока не определено и не разработано детально. На первый взгляд, это может показаться уходом от основной темы исследования, но на самом деле это лишь продолжение тематизации понятия автономной рациональности *под новым углом* зрения.

Необходимо привести максимум оснований в пользу следующего тезиса: автономно рациональная система/процесс является способной *свободно* действовать именно в той мере, в какой *автономия* этой системы и/или процесса является *результатом работы ее собственной рациональности*. Такое понимание свободы и есть наиболее собственное и полное толкование ее смысла; все остальные интерпретации (которые будут рассмотрены ниже) являются вырожденными проекциями данного понятия. То же самое касается понятия автономии — далее будут приведены вырожденные формы понимания этого термина, т. е. те случаи, когда автономия одной системы по отношению к другой существует, но эта ее особенность есть лишь априорно данное свойство мира в целом, а не заслуга самой системы, являющейся частью рассматриваемого мира.

В каком смысле автономия процесса/системы есть ее же собственный результат? На основании какого критерия можно судить об этом? Результатом рациональной работы данного процесса должно стать построение индивидуальной (внутренней, авторепрезентирующей) *модели автономно рационального поведения*, которая, по сути, представляет собой схематическую реализацию свободы данного процесса. Если речь идет о существах, обладающих сознанием, то фактически рассматривается практическое *понятие* свободы, выработанное этим существом на основе своего опыта и служащее руководством для будущих действий. Для уточнения смысла сказанного необходимо проанализировать слово «свобода», чтобы выявить те ключевые смыслы, которые подразумеваются всякий раз, когда ощущается потребность использования именно слова «свобода», а не какого-либо иного слова.

О подразумеваемых смыслах слова «свобода». Уточнение смысла данного понятия — наиболее содержательного, наиболее

полного — начнем с ряда противопоставлений. Смысл этот постараемся локализовать, очерчивая границу той области, за пределами которой свободу заведомо искать не приходится. Группа оппозиций, состоящая из слов, противоположных в том или ином отношении понятию свободы, выглядит следующим образом:

- 1) свобода *versus* чистая случайность и слепая спонтанность;
- 2) свобода *versus* произвол и беспринципность;
- 3) свобода *versus* предопределенность.

Эти противопоставления, разумеется, требуют комментариев. Начнем с того, что при противопоставлении свободы случайности и слепой спонтанности утверждается, что в понятие свободы привходит *намеренность*. Слова «случайность», «спонтанность» вовсе не подразумевают ничего подобного, поэтому различие между свободой и случайностью является существенным.

Противопоставлением свободы беспринципности и произволу фактически утверждают, что привходящая в свободу возможность ограничивать ее рамками тех или иных принципов и регулятивных идей вовсе не означает какого-либо ущемления сути свободы. Наоборот, сама свобода как понятие, как регулятив оказывается способной выступать своего рода *упорядочивающим принципом*. В этом смысле противопоставление свободы произволу и беспринципности указывает на то, что произвол можно рассматривать как вырожденную форму свободы.

Противопоставление свободы любым формам предопределенности (преддетерминированности) предполагает, что существуют процессы и/или системы, определенным образом устроенные, будущее которых не просто не предопределено, но еще и таково, что *авторство формирования этого будущего* принадлежит самим процессам и/или системам. Этот пункт является наиболее проблематичным с точки зрения теоретического (и компьютерного) моделирования свободных действий и/или решений. Но проблема авторства (или, шире, самости вообще) является сегодня еще плохо продуманной. Значительная часть исследований подходит к этой теме либо догматически, либо просто перекладывая авторство одних систем/процессов на другие системы и/или процессы скажем, перекладывая авторство некоторой определенности живых существ то на вид, то на род, то на эволюцию или даже природу в целом. При этом сущность авторства все равно оказывается вне детального, тематически ориентированного рассмотрения. Как было отмечено, разрешение этой трудности будем связывать с идеей создания *модели автономно рационального действия*.

Обратим внимание что при противопоставлении свободы как произволу, так и случайности *не* утверждается, что у них нет *ничего*

общего. Важно отметить, что некоторые аспекты проявления свободы, спонтанности и/или случайности имеют *идентичные условия возможности*. То же самое касается и последней оппозиции. При противопоставлении свободы и предопределенности не утверждается, что эти понятия из разных, никак не пересекающихся миров. Наоборот, существенным моментом определения свободы является то, что у свободы и необходимости, имеющей форму предопределенности, условия их возможности также имеют важные области пересечения (ибо свобода невозможна в мире, полностью лишенном неизменных, устойчивых характеристик).

Каким образом убедиться в том, что поиски такой свободы, границы которой бы были очерчены противоположностью как слепому случаю и произволу, так и тотальной предопределенности, не бессмысленны? Существуют ли какие-то образцовые ситуации, схематизмы или сценарии разворачивания такого рода свободы? Как не трудно догадаться, основная гипотеза связана с предположением: те схематизмы, которые конструктивно реализуют автономную рациональность, в точности являются схематизмами разворачивания свободы в вышеозначенном смысле.

Обоснование этого тезиса предполагает наличие положительных ответов на ряд вопросов. Первый вопрос: можно ли показать, что одной только идеи автономии мало для того, чтобы имела место некая свобода? Иными словами, необходимо понять, существуют ли такие интерпретации слова «автономия», которые не имеют никакого отношения к свободе? Второй вопрос, в некотором смысле противоположный первому: всегда ли само слово «свобода» предполагает наличие той или иной степени автономии? Или же существуют примеры *вырожденного* понимания свободы, когда автономия вовсе не подразумевается? На оба вопроса можно ответить утвердительно.

Положительный ответ на первый вопрос означает, что далеко не всякая форма теоретического понимания автономии годится для указанных целей. В общем случае существуют два основных типа автономии:

1) автономия является априорной, существующей просто как свойство, изначально определяющее ту или иную систему;

2) автономия вырабатывается системой в процессе ее функционирования. Нужна только такая автономия, которая является *результатом работы рациональных структур, внутренне* присущих тому или иному рассматриваемому процессу и/или системе.

Положительный ответ на второй вопрос означает, что не всякое понимание свободы удовлетворяет тем подразумеваемым — наиболее полным и содержательным — смыслам, которые хотелось бы видеть у искомого феномена свободы. Существует множество вырож-

денных случаев, которые свидетельствуют об употреблении слова «свобода» в довольно ущербных смыслах; в частности, в таких ситуациях, когда авторство «свободного» действия у некоторых процессов и/или систем не принадлежит самим системам, а является лишь неким априорно присущим свойством, отражающим *только некоторые аспекты* полноценного понятия свободы.

Утвердительные ответы на оба вопроса получаются просто: достаточно привести соответствующие контрпримеры, чтобы убедиться в том, что автономия не обязательно сопровождается какой-либо свободой, и в то же время установить, что отнюдь не все подряд способы толкования свободы подразумевают наличие какой-либо автономии.

1. То, что понятие автономии никак автоматически не привязано к идее свободы, иллюстрируется простой конструкцией. Предположим, что существуют два *детерминистических* мира (или процесса, или алгоритма) с предопределенным, безальтернативным будущим: *Det1* и *Det2*. (В качестве конкретного примера каждый из этих миров можно понимать как классическую *инерциальную систему отчета*, в каждую из которых — чисто формально — добавлен некий детерминистический принцип причинности, второй закон Ньютона или любой его формальный аналог.) Предположим также, что они являются взаимно независимыми: это означает, что все, что происходит с одним процессом, никак не влияет на второй процесс, и наоборот. Формально ничего не мешает рассмотреть единый детерминистический процесс, состоящий из первых двух (в математике такая операция определяется в строгих терминах и называется «декартово произведение»). Такого рода объекты обычно обозначаются (*Det1; Det2*). Ясно, что построенный «мир» обладает следующим свойством: система *Det1* является автономной по отношению к *Det2*, и наоборот, вторая система *Det2* — автономна по отношению к первой, т. е. к *Det1*. Ясно также, что никакой свободы в мире $W = (Det1; Det2)$ нет и быть не может. Итоговая система W является целиком и полностью детерминистической, хотя и обладающей двумя процессами (подсистемами), каждая из которых *автономна* по отношению к другой. Фактически этот формальный пример является целой *схемой* построения детерминистических «миров» с автономными подсистемами и показывает, что в общем случае понятие автономии никак не привязано к идее свободы.

2. Теперь рассмотрим группу противоположных примеров, связанную с типичными случаями употребления слова «свобода», показывающими, что некоторые аспекты смысла этого слова никак не привязаны к идее автономии. Или, иначе говоря, такие примеры, которые демонстрируют не обязательность взаимосвязи понятия свобо-

ды с вопросом об *авторстве* (или источнике) свободы рассматриваемого процесса и/или действия.

Пример из физики. Всем со школы известно словосочетание «свободное падение». Что оно означает? Фактически — то, что исполнение одного закона будет совершаться беспрепятственно, если только не вмешаются какие-то иные внешние, закономерные обстоятельства. Речь идет о беспрепятственном следовании закону. Отображает ли данная ситуация полноту смысла слова «свобода»? Разумеется, нет. Значит ли, что здесь имеет место чисто метафорическое употребление понятия «свобода»? Тоже нет, ибо здесь точно схвачен один из аспектов, отражающих суть свободы. В чем здесь сказывается частичность? В том, что авторство соответствующего движения принадлежит не свободно падающему телу, а природе, ее законам. Здесь нет никакой автономии движущегося тела от природы и ее законов.

Пример из математики. В математике есть понятие свободного объекта, например свободной алгебры (в категории всех алгебр или категории однотипных алгебр: коммутативных, ассоциативных алгебр, алгебр Ли и т. п.). Смысл слову «свободный» здесь придается следующий: такого рода объекты являются свободными либо ото всех тождеств вообще, либо ото всех тождеств, кроме тех, которые обеспечивают принадлежность конкретной алгебраической категории. Благодаря этому свойству оказывается, что из свободной алгебры существует стрелка (морфизм) в *любую* другую алгебру данной категории (т. е. любая другая алгебра этой категории оказывается гомоморфным образом свободного объекта). До некоторой степени это напоминает свойство виртуальности: свободную алгебру можно превратить в любую другую алгебру данной категории. Уместно ли говорить о свободе в подобном контексте? Думается, да. Здесь тоже нет метафоры в чистом виде: как и в первом, физическом, примере, тут просто узкое словоупотребление. И при этом опять же никакой автономии «свободных объектов» здесь не наблюдается.

Пример из повседневной жизни. Наверное, самый распространенный способ употребления слова «свобода» связан с повседневностью. Люди постоянно говорят или слышат вокруг себя: «это место свободно», «эта кастрюля свободна» и т. п. Подразумеваемый смысл здесь ясен: кастрюля свободна *от* старых щей *для* нового супа; это место свободно *от* одних посетителей *для* других и т. п. Как и в предыдущих примерах, авторство свободы не принадлежит ни месту, ни кастрюле. И трудно представить осмысленный контекст, в котором свободную посуду можно было бы назвать автономной по отношению к занятой или к чему-либо иному.

Итак, данные примеры отчетливо показывают: с одной стороны, может иметь место автономия, но без свободы; с другой — может

быть наоборот, наличествовать та или иная свобода (в некотором зауженном понимании), но без какой-либо автономии.

Более того, поскольку все вышеприведенные примеры являются примерами ущербных, зауженных форм понимания как свободы, так и автономии, то это указывает на осмысленность поиска наиболее полного, наиболее содержательного смысла этих понятий.

Вспомним теперь, с чего начинались рассуждения о свободе. Двигаясь апофатическим путем (т. е. отталкиваясь от того, что искомая свобода не должна совпадать ни с произволом, ни со случайностью и при этом быть чем-то противоположным любым формам предопределенности), был сделан вывод, что свободным поступкам/решениям/действиям должно быть присуще как минимум две особенности:

- 1) намеренность соответствующих действий, приводящих к выбору и/или осуществляющих его;
- 2) авторство действия должно принадлежать самой же действующей системе/процессу.

Сопоставим эти сведения с условиями возможности автономной рациональности, которые вкратце были упомянуты в самом начале и которые более подробно рассматривали в статье [3]. К их числу принадлежат наличие внутренних целенаправленных процедур, определяющих авторство рационального действия, фундированность в виртуальной онтологии, гарантирующей альтернативность будущего, и наличие оснований для осуществления выбора.

Нетрудно понять, что в таком случае свободное действие является некоторым частным случаем автономно рационального действия. Возникает вопрос: можно ли *конструктивно* определить ту систему предикатов и характеристик, которые однозначно выделяли бы свободные действия из спектра всех автономно рациональных действий? Из того, что нечто является частным случаем некоей общности вовсе не следует, что это частное устроено проще. Скорее наоборот, специфические свойства, выделяющие частное из общего, зачастую оказываются весьма трудно определяемыми. Скажем, человек является частным случаем одушевленного существа. Ясно, тем не менее, что нет более сложного частного случая, чем этот. То же самое верно и в отношении свободы. Кратко рассмотрим суть той сложности, которая лежит в средоточии проблемы свободы.

Модель автономно рационального поведения как схематизм свободного действия. Есть один момент, который пока не был рассмотрен. Отмечено, что искомая свобода должна быть противоположна *слепой* спонтанности. Возникает вопрос: что делает свободу «зрячей»? Какого рода оптика — теоретическая, концептуальная, смысловая?

На эти вопросы отвечать несколько проще (в силу привычности терминологии) тогда, когда речь идет о существах, обладающих (само)сознанием; но этот вопрос не лишен смысла и в более широком понимании, например, тогда, когда говорят о компьютерном моделировании процессов и/или систем, способных совершать свободные действия. В этих случаях имеется в виду следующее: чтобы действовать свободно, система/процесс/субъект рассматриваемого действия должен обладать имманентным ему *понятием* свободы, т. е. таким, которым он мог бы пользоваться как руководством к действию. Если у действующего существа *нет никаких* представлений о свободе, выработанных им в процессе самостановления (очень точно и детально это прописано в книге [6]), то его действия и/или решения невозможно назвать *намеренно свободными*. Невозможно быть *автором* свободного действия, если соответствующее действие осуществляется без (целенаправленной) оглядки на тот или иной образец свободного действия. Присваивание предиката «свободный» тут оказывается бессмысленным. В лучшем случае мы здесь имеем дело с чистой случайностью; точнее, с тем любопытным случаем, когда чье-либо действие *случайно* оказалось соответствующим всем косвенным признакам определения свободного действия. Это может иметь место, если рассматриваемое действие не является ни предопределенным, ни чисто случайным, — но при этом именно *слепое*, хотя и автономно рациональное (смысл «слепоты» будет пояснен ниже).

Итак, главный вопрос теперь звучит так: как конструктивно определить ту самую оптику, которая делала бы автономно рациональные действия зрячими, а потому и по-настоящему свободными, т. е. соответствующими (внутренне выработанному) *схематизму реализации* свободы? Еще раз подчеркнем, для ответа на данный вопрос вовсе не обязательно прибегать к менталистскому языку и говорить о свободе в терминах понимания, сознания, наличия понятий в полном смысле этого слова. Здесь достаточно иметь определенного рода оптику, позволяющую усматривать альтернативность возможных сценариев и благодаря этому реализовывать соответствующее свободное действие/решение.

Оптика, которая делает возможным различие между намеренно свободным и слепым действиями, будет связываться с идеей *модели намеренно свободного поведения* или (дабы уйти от метафизически перегруженного слова «свобода» и говорить более конструктивно) с идеей *модели автономно рационального поведения*. Такого рода модели не просто реализуют то, что (предельно широко говоря) можно было бы назвать понятием свободы, но и то, как именно реализуется *схематизм* свободного действия на практике, в каждом конкретном эмпирическом случае.

Трактовка *понятия* свободы через идею реализации схематизма, формируемого в рамках внутренней (для данного процесса) модели свободного действия, позволяет более точно определить важный момент. С точки зрения автора статьи, смысл свободы заключается вовсе не в том, чтобы определить, *что* было *непосредственной* причиной того или иного действия и/или события — некая эфемерная свободная субстанция или же нечто предопределенное (богом ли, природой ли), а в том, чтобы понять, *как была сформирована* соответствующая причина? Кому принадлежит авторство ее формирования? Каковы приводящие в эту причину компоненты, ее конституирующие?

Если сузить масштаб рассуждений до вопроса о свободе человеческой, то для того, чтобы отличить свободу от несвободы нужно смотреть вовсе *не* на момент выбора, а на *историю формирования субъекта, способного выбирать*; историю, полную ошибок и случайностей, проявлений силы воли и ее слабости, и, главное, историю рационально извлеченных уроков (и соответственно, историю неизвлеченных уроков). История человеческой свободы — это история рациональных попыток (и их провалов) совладать со случайностями и непредсказуемостью, исходящими от жизненного мира, с одной стороны; но и история поиска альтернатив тому ходу событий, который *кажется* предопределенным, с другой. Это история, рациональные выводы из уроков которой структурировались и отобразились в *моделях автономно рационального поведения*, позволяющих оценивать спектр предстоящих возможностей, вероятность разнообразных исходов, усилия, требуемые для исполнения интенций, и, соответственно, имеющиеся в распоряжении временной, интеллектуальной и энергетической ресурсы.

Приведенные рассуждения приближают нас к ответу на вопрос: где локализуется свобода? По каким признакам опознается? Многие современные теоретические и эмпирические исследователи пытаются проанализировать *момент выбора* — так, как если бы за одно мгновение до акта совершения выбора в его глубинах можно было бы узреть либо некую свободную причину, либо ее отсутствие. Парадоксальным образом, по мнению автора, правы скорее те, кто утверждает, что в моменте выбора нет никакой свободы — в лучшем случае, там обнаружит себя либо слепая спонтанность, либо случайность, либо какие-то внешние детерминанты. Можно ли таким образом *доказать* отсутствие свободы? Или же ее иллюзорность, например? Ни в коем случае. Дело в том, что свободу ищут не там, где она есть.

Если анализировать не момент выбора, а историю формирования причины свободного действия, то это позволяет многое сказать как о самом действии, так и об особенностях генезиса его причины. Если в

числе компонент, конституирующих интегральную причину того или иного действия, имеется модель автономно рационального поведения, то однозначно можно сказать, что данное действие совершалось свободно. То, что эта причина *не* является чем-то предопределенным (а значит, не является предопределенным и ее следствие, т. е. само действие) гарантируется тем, что в истории формирования этой модели были вероятностные и даже просто случайные аспекты. Однако то, что ситуация не ограничивается чистой случайностью и слепой спонтанностью, гарантируется тем, что сформированная причина представляет собой *рационально извлеченный опыт*, который извлекается субъектом из своей истории; опыт, фундированный в логических и аналитических способностях этого субъекта. Важнейшие составляющие этого опыта:

1) способность конструирования *логически полного* спектра будущих возможностей;

2) способность извлекать различные паттерны как эффективного, так и неэффективного поведения, от организации которых в некоторую целостность напрямую зависит, какую именно модель свободного (автономно рационального) поведения получится сформировать, т. е. модель, которая объединила аналитические, прогностические и прочие рациональные способности, направленные на умение *свободно ориентироваться в окружающем мире*.

Заострим внимание на некоторых терминологических особенностях. С одной стороны, каждый свободный поступок/решение детерминруется (определяется) некоей моделью, ее аналитическими и рациональными ресурсами. Но с другой стороны, здесь нет ни *предопределенности*, ни чистой случайности, поскольку все случайности оказываются рационально поглощенными, т. е. вписанными в рационально контролируемую структуру с предсказуемыми допустимыми погрешностями и логическим спектром будущих сценариев. Здесь в очередной раз дает о себе знать важность различия между детерминированностью (от англ. *to be determined*, быть *определенным*) и преддетерминированностью (от англ. *to be pre-determined*, быть *предопределенным*). Эти понятия не следует путать, как и условную и автономную рациональность, «слепые» и «зрячие» процессы осуществления рационального действия и пр.

В начале статьи автор обещал ответить на вопрос: в каком смысле автономия может быть результатом рациональной работы? Наконец есть все основные блоки, из которых складывается ответ. Можно со всей определенностью сказать, что результатом рациональной работы является создание индивидуальной (и по-своему каждый раз уникальной) модели автономно рационального поведения. Уникальны подобные модели в той мере, в какой они представляют собой

итог обработки исключительного исторического опыта соответствующего процесса/системы: ведь индивидуальная история есть то, чем *невозможно обменяться* с другими процессами/системами (в чем и заключается часть секрета так называемой перспективы первого лица). В свою очередь, сама автономия соответствующих систем/процессов есть результат применения такого рода моделей к новым и новым эмпирическим случаям.

Теперь можно уточнить смысл «слепоты». Если свобода есть зрячее автономно рациональное поведение, то «слепые» автономно рациональные акты — это акты *локального* проявления автономной рациональности, которые *никак рационально не связаны между собой историей* своих осуществлений. Свобода — это рациональность второго порядка. Отсутствие рациональности второго порядка делает «первопорядковую» автономную рациональность «слепой». Каждый такой акт слепой рациональности — это чисто локальное, вырванное из контекста истории событие, нацеленное на решение конкретной эмпирической задачи с помощью наличных («врожденных»), заранее смонтированных) автономно рациональных средств.

В заключение необходимо отметить, что остаются не проясненными два момента:

1) понятие виртуальной онтологии, способной реализовывать автономную рациональность (и, соответственно, свободу);

2) вопрос о том, *как именно* происходят процессы формирования как зрячих, так и слепых автономно рациональных процедур.

Ответ на последний вопрос должен конструктивно раскрыть способы, с помощью которых топология значимостей участвует в актуализации надлежащих интенциональных структур, а также то, как происходит формирование истории локально рациональных актов и формирование оптики, ответственной за возможность свободного действия, на основе изучения истории и извлечения соответствующих паттернов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Порус В.Н. *Парадоксальная рациональность (очерки о научной рациональности)*. Москва, УРАО, 1999, 122 с.
- [2] Никифоров А.Л. Рациональность и свобода. В кн.: Пружинин Б.И., Швырев В.С., ред. *Рациональность как предмет философского исследования*. Москва, ИФ РАН, 1995, 225 с.
- [3] Павлов-Пинус К.А. Смысл и условия возможности автономной рациональности. *Философские проблемы ИТ и киберпространства*, 2018, № 2. DOI: 10.17726/philIT.2018.2.15.4
- [4] George F.H., Johnson L. *Purposive behavior and teleological explanations*. New York, London, Paris, Montreux, Tokyo, Gordon and Breach, 1985, 315 p.

- [5] Hofstadter D. *Fluid Concepts and Creative Analogies: Computer Models of the Fundamental Mechanisms of Thought*. New York, Basic Books, 1995, 518 p.
- [6] Гегель Г.В.Ф. *Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 3. Философия духа*. Москва, Мысль, 1977, 471 с.

Статья поступила в редакцию 28.01.2019

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Павлов-Пинус К.А. Понятие свободы в контексте идеи автономной рациональности. *Гуманитарный вестник*, 2019, вып. 1.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2019-1-588>

Павлов-Пинус Константин Александрович — канд. филос. наук, старший научный сотрудник Института философии РАН. e-mail: pavlov-koal@ya.ru

Concept of freedom within a framework of autonomous rationality

© K.A. Pavlov-Pinus

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119842, Russia

The study introduces the concept of freedom within a context of autonomous rationality. On the one hand, freedom is considered in its opposition to pure accident, blind spontaneity and predetermination. On the other hand, the concept of freedom could be determined as a particular case of autonomous rationality. In this case, the very autonomy of the system appears to be an internal product of the system's rationality. Such autonomy takes place whenever freedom of an act/solution is such that 1) the authorship of this rational act belongs to the acting system itself, and 2) the corresponding actualization was mediated by a "model of autonomously rational behavior". Such a model must be rooted in a unique history of rational acts of the system under consideration. It plays a role of optics which makes it possible to "see" alternative scenarios. As for conscious creatures, this optics is based on appropriately developed notion of freedom.

Keywords: *autonomous rationality, freedom, virtual ontology, arbitrariness, predetermination, models of autonomously rational behavior*

REFERENCES

- [1] Porus V.N. *Paradoksalnaya ratsionalnost: (ocherki o nauchnoy ratsionalnosti)* [Paradoxical rationality: essays on scientific rationality]. Moscow, URAO Publ., 1999, 122 p.
- [2] Nikiforov A.L. Ratsionalnost i svoboda [Rationality and freedom]. In: *Ratsionalnost kak predmet filosofskogo issledovaniya* [Rationality as a subject of philosophical investigation]. Pruzhinin B.I., Shvyrev V.S., ed. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 1995, 225 p.
- [3] Pavlov-Pinus K.A. *Filosofskie problemy IT i kiberprostranstva — Philosophical problems of IT and Cyberspace*, 2018, no. 2 (15). DOI: 10.17726/phillIT.2018.2.15.4
- [4] George F.H., Johnson L. *Purposive behavior and teleological explanations*. New York, London, Paris, Montreux, Tokyo, Gordon and Breach, 1985, 315 p.
- [5] Hofstadter D. *Fluid Concepts and Creative Analogies: Computer Models of the Fundamental Mechanisms of Thought*. New York, Basic Books, 1995, 518 p.
- [6] Hegel G.W.F. *Encyclopedia of the Philosophical Sciences in Basic Outline, Part 3. The Philosophy of Mind*. Kessinger Publ., 2010, 132 p. [In Russ.: Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. V 3 tomakh. Tom 3. Filosofiya dukha*. Moscow, Mysl Publ., 1977, 471 p.].

Pavlov-Pinus K.A., Cand. Sc. (Philos.), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. e-mail: pavlov-koal@ya.ru